

— Донатас Юозович, мы с вами порядком не виделись, но (открою для читателей секрет) давно и хорошо знакомы...

— Как же, как же, вашу книжку обо мне, изданную в Москве лет семь назад, я храню как необычайно ценную реликвию. Сегодня подобная литература — творческие портреты актеров — не издается ни в России, ни в Литве...

— Думаю, мы подробно поговорим и о старых, и о новых временах, а пока на правах давнего знакомого хочу предупредить, что намерен задавать вопросы порой, что называется, на грани фола...

— Ну этим меня не испугаешь...

— Тогда начнем. Многие кинематографисты, обласканные прошлым режимом, скажем С. Бондарчук, Е. Матвеев, С. Ростоцкий, после всем известных перемен на долгие годы оказались в творческой среде изгоями, париями, и только на прошедшем недавно съезде кинематографистов они были «реабилитированы». Вы тоже все свои награды, премии, звания получили от советской власти. Подозреваю, в Литве такое не прощается и поныне...

— Знаете, нет. Я не ощутил и не ощущаю на себе никаких притеснений, а тем паче гонений, хотя награды в старое время мне давали, а я их, грешный, принимал. Принимал, принимал, не отказываясь. Делать сегодня вид, что я ими брезговал, было бы нечестно. Другое дело, что я ими не щеголял — ни одного ордена не пристегнул ни разу к своему пиджаку. Мне казалось, что если я пройду «при полном параде» по улице, то буду выглядеть смешным, вызову всеобщую неловкость.

А кроме того, я никогда не страдал завышенной самооценкой. Я всегда считал себя рядовым артистом, соответствующим образом вел себя в театре, на публике — может, поэтому награды, полученные от прежней власти, не оттолкнули от меня людей.

— И все-таки какие у вас были взаимоотношения с советским режимом? Сегодня прочтешь воспоминания много вполне обласканного прежней властью художника, а он, оказывается, был в душе диссидентом...

— Лично я старался и стараюсь держаться от политики подальше. Мысль не новая, но художник, если он верно понимает свою миссию, не должен служить ни одной партии, ни одному движению, в какие бы привлекательные одежды они ни рядились. Потому что партия — это всегда только часть (и необязательно лучшая) общества, художник же должен думать о народе, о людях не по частям...

Кроме того, история уже не раз доказала и показала (в том числе и в последние годы), что дело политиков, как это ни прискорбно, — зачастую всего лишь искусство обманывать людей, а дело художника — говорить правду, выражать человеческую боль и надежду. И в этом смысле политики и художники — едва ли не вечные антагонисты. Сколько раз страшные, античеловечные режимы, будь то фашизм, сталинизм, соблазняли творцов — видных писателей, философов, актеров — всевозможными красивыми лозунгами, обещанием человеческого рая на земле, а потом все оборачивалось трагедией. Трагедией народов и трагедией художников, доверившихся власти.

Политики всегда озлоблены, чтобы в их «свите» находились популярные фигуры, узнаваемые лица. Иным творцам тоже порой бывает лестно «пофигуривать» рядом с властью имущими. А потом звучит призыв брать «Останкино» или приказ расстреливать парламент — и тень вины (пусть и невольной) за происшедшее ложится и на тех тщеславных творцов. Нет уж, лучше заниматься своим прямым делом — искусством, оно не обманывает.

— Но многие ваши коллеги считают иначе...

— Как правило, это люди весьма невысокого творческого полета. А те, которые чувствуют ниспосланную им от Бога задачу, которые разговаривают с Вечностью, в прямую политику не лезут. Вы скажете, а как же, например, Мстислав Ростропович, который прилетает в Россию при первых признаках политической бури? Не скрою, его позиция вызывает у меня большую симпатию. Но, восхищаясь им, я все же внутренне ориентируюсь на художников, которые ведут себя иначе. Вот Ю. Марцинкявичюса — выдаю-

— Вот вы говорите, что не дело художника лезть в политику, а сами, я знаю, на первых порах активно поддерживали «Саюдис»...

— Я поддерживал это движение, главной целью которого было отделиться от советской империи, освободиться от коммунистической идеологии, принесшей Литве (как, впрочем, и России) неисчислимые беды. Разве мог я остаться в стороне от этого движения, в стороне от своего народа, который никогда не забывал, как в июне 1940 года советская власть без суда и следствия бросила в Сибирь, в лагеря 40 тысяч литовцев? Помню, моя собственная

(пусть и призрачную) на некий, может быть, пока неведомый нам «третий путь». Но выбирая даже между «диким» капитализмом, который, по точному определению Александра Градского, нередко пахнет, извините, дерьмом, и между сталинизмом, который, увы, пахнет человеческой кровью, приходиться смириться с меньшим из зол. При демократии, слава Богу, хоть слово не боюсь сказать...

Но, впрочем, хватит о политике. А то в течение всего нашего разговора я только и делаю, что нарушаю прокламируемые мною же заповеди.

Донатас БАНИОНИС:

«Место артиста на сцене, а не на баррикаде»

Беседа с прославленным актером «о времени и о себе»

щегося литовского поэта — я на трибунах почти никогда не видел. Евгения Лебедева — гениального русского артиста — на баррикадной бочке не заметил ни разу. Георгий Товстоногов свои гражданские симпатии и антипатии выражал в театре...

— А вот, например, Ульянов. Евтушенко? Они не боялись открыто высказывать свои политические взгляды.

— Ну, Евтушенко, он это дело всегда любил... А Ульянова, к слову говоря, не лучшим образом вспоминают в Литве благодаря как раз его так называемой политической деятельности. В горбачевские времена Михаил Александрович приезжал к нам в составе могучей партийно-правительственной делегации и не больно-то отстаивал законное право литовского народа на независимость, чем и заслужил немало упреков со стороны нашей интеллигенции.

При этом я вовсе не хочу сказать, что сам я такой уж праведник и прожил безгрешную жизнь. Какое там... Ведь пришлось работать в театре при разных режимах. Начиная с сороковых годов при советской власти, потом пришли немцы — театр работал и при них, потом мы пережили агонию сталинизма, оттепель, застой, перестройку... Было немало компромиссов, но, я думаю, наш театр в Паневежисе в итоге заслужил авторитет потому, что в лучших своих спектаклях всегда старался дистанцироваться от властей, от узко понятой «злобы дня», заниматься душой человека. вечными проблемами добра и зла, а не сиюминутной политической риторикой. Не случайно наш учитель и лидер Юозас Мильтинис ни в одной партии не состоял и нам не советовал... Что скрывать, я не всегда прилежно усваивал его уроки и потому стал членом КПСС. И хотя, слава Богу, идеологической «промысловой» мозгов никогда не занимался, но и диссидентом, увы, не был.

ненависть к большевизму в те годы была столь велика, что вместе с другим поэтом Мачернисом мы в 1944 году пытались бежать на Запад, но удача отвернулась от нас — мой друг погиб, а я вернулся в Паневежис.

Одним словом, самостоятельность Литвы была выстрадана моим народом и мною лично. Но, ратуя за цивилизованный политический «развод» с Советским Союзом, я вместе с тем не кричал на митингах «Долой русских!», более того, я понимал и понимаю, что в нашей совместной истории было немало хорошего, что духовный, человеческий союз между литовским и русским народами сегодня крайне необходим.

— Справедливо осуждал советский строй, мы в то же время, наверное, должны отдавать себе отчет, что ответ на вопрос, какое общество мы хотим построить, пока, похоже, ни в Литве, ни в России не найден...

— Это точно.

— В антипатии к социализму вы уже признались. А какое ваше отношение к капитализму?

— Капитализм тоже отвратителен. Не только «диким», который мы наблюдаем с вами ежедневно, но и «цивилизованный». Достаточно побывать в Индии, Латинской Америке, на юге Италии, чтобы любого поинтересовали последние иллюзии. Да и в Соединенных Штатах, где мне неоднократно и подолгу довелось бывать, кое-что, конечно, зависит от личной инициативы, предприимчивости, но многое держится на власти капитала, на умении «делать деньги», зачастую весьма сомнительным путем. Не будем забывать, что все миллионеры начинались там (как сегодня и у нас) с преступлений, гангстеризма. Может ли быть нравственным такой строй?

— Что же в таком случае выбирать?

— В любом случае — демократия. Она, с одной стороны, исключает возврат тоталитаризма. А с другой — не стопроцентно тождественна капитализму, оставляя надежду

— Хотелось бы оставить политику в покое, да трудно это сделать. Хотя бы потому, что границы сегодня рассели не только территории, но и складывавшиеся десятилетиями духовные, культурные связи. Вот раньше, я знаю, вы активно снимались в Москве, Ленинграде, Свердловске, Минске, сегодня я вас на экране почти не встречаю...

— Я снимаюсь редко не потому, что границы появились, а потому, что из-за экономических трудностей кинематограф вымирает как вид искусства. В Литве, где раньше снималось 5—7 больших картин, сейчас государство выделяет на кино такую мизерную сумму, что ее едва хватает на производство двадцатиминутной полудокументальной-полугигровой ленты. В Москве ситуация, я знаю, чуть получше, но все равно многим актерам попросту негде сниматься. Я, слава Богу, еще время от времени появляюсь на экране — то на «Ленфильме» как-то «засветился», то вот сейчас на «Беларусьфильме» у режиссера В. Турова заканчиваю работу. Но тут другая беда подстерегает: даже те фильмы, что удается снять, до экрана почти не доходят.

— Не жалуете о прошлых временах, когда фильмы с вашим участием собирали по 30—40—50 миллионов зрителей?

— Жалею, конечно, все-таки это был расцвет моего творчества. «Никто не хотел умирать», «Мертвый сезон», «Соларис», «Король Лир», «Бегство мистера Мак-Кинли»... Эти фильмы живы и сегодня, и ничего равнодушного на мой век уже, конечно, не выпадет. А у каких режиссеров я снимался! Андрей Тарковский, Витаутас Жалакявичюс, Михаил Швейцер, Григорий Козинцев, Конрад Вольф, Михаил Калатозов... Это же, без преувеличения, элита мирового кино. Я благодарен судьбе, что все это у меня было, но сожаление о прошлом — чувство малопродуктивное. Им, как правило, грешат старые, пожилые люди. Когда-то сожалели о царском времени, сейчас некоторые вздыхают о колбасе по 2.20.

А молодые ни о чем не жалеют, они живут сегодня, и им это, похоже, нравится. Другое дело, что я уже не молод...

— Ну это вы зря... Я недавно видел вас в «Смерти Тарелкина» и был просто поражен брызжащей со сцены энергией, темпераментом. Вам недавно исполнилось 70 лет, а вы по-прежнему в работе — играете в театре, снимаетесь в кино. Не тянет на покой? Рыбку там половить, грибочки пособирать?

— Я не знаю за собой страсти к отдыху. Не тянет меня что-то в лес, на рыбалку. Как и пятьдесят лет назад, мне по-прежнему нравится выходить на сцену, я по-прежнему с замечанием сердца слышу команду «Мотор!» Быть постоянно в работе, в тренинге, в раздумьях о роли — это у меня уже в крови, в генетике. Так сказать, мой основной инстинкт. Впрочем, это, наверное, ведомо всем творческим людям. Ни с кем, разумеется, себя не сравниваю, но Бетховен уже оглох, практически сошел с ума, а все писал свою великую Девятую симфонию. Моцарт в последние месяцы жизни не мог сидеть, только лежал, можно сказать, он и человеком-то уже не был, а продолжал сочинять свои самые светлые мелодии. А возьмите Достоевского, Чехова, Ван Гога, Гойю — они все творили до последнего дыхания. Так это — гении, которые уже обессмертили свое имя. Что же остается делать мне, простому актеру? Только одно — работать...

Другое дело, что интересных предложений в кино очень мало, а наш Паневежский театр уже не тот, что был в прежние времена. После ухода Мильтиниса не раз менялись главные режиссеры (попробовал и я себя в этом качестве), но сколько-нибудь равноценной замены найти так и не удалось. С горечью и болью чувствую, что театр, которому отдал более 50 лет жизни, становится мне все более чужим...

— В прошлые времена, я знаю, вашу труппу и коллективно, и поодиночку приглашали осесть то в Москве, то в Каунасе, то в Вильнюсе. Может, для вас пришло время сменить «прописку»?

— Честно говоря, подумываю об этом. В Москве мне, конечно, делать нечего. В Каунасе уже позарастали те дорожки, по которым я ходил в детстве и юности. А вот в Вильнюсе желанно перебраться есть. Там находится могила старшего сына, который в прошлом году сгорел у меня на руках от рака. Там живет мой младший сын с семьей. Там, думаю, и работать, сниматься в кино станет чуточку легче — все-таки поближе к традиционным культурным центрам, к киностудиям.

— За чем же задерживает?

— Трудно на старости лет покидать насиженное гнездо. Да и таких денег, чтобы купить в Вильнюсе квартиру, честно говоря, у меня нет.

— Что же, выходит, за всю свою актерскую карьеру вы не заработали себе даже на крышу над головой?

— Нет, почему же, в Паневежисе у меня есть хорошая, большая квартира — помните, вы там бывали у меня в гостях? Но если ее сейчас продать, то за эти деньги в Вильнюсе ничего приличного не купишь. А другого состояния у меня нет. Конечно, при другой власти, имея в своем активе такие фильмы, я, наверное, был бы владельцем яхт, вилл, машин. А может, и ничего бы не имел. Может, я не смог бы пробыть в актеры, может, вовсе прозябал бы в безвестности. Чем больше живу, тем больше убеждаюсь, что все-таки нами повевают некие высшие силы, и я благодарен им, что моя жизнь сложилась так, а не иначе...

Вел беседу
Леонид ПАВЛЮЧИК.
Фото автора.